
ИСТОРИЯ

УДК 94(47).05

*Э.Л. Дубман, Е.М. Малинкин**

ГАРНИЗОНЫ ЗАСЕЧНЫХ ЧЕРТ ЮЖНОГО СРЕДНЕВОЛЖЬЯ В НАЧАЛЕ XVIII В.**

Статья посвящена изучению состава и размещения служилых людей на территории Симбирского уезда. Анализ совокупности источников свидетельствует, что военное значение гарнизонов уезда сохранилось вплоть до начала XVIII в. Однако произошли существенные изменения в их размещении. За вторую половину XVII в. территория уезда namного расширилась, прежде всего в южном направлении. Здесь, по широте Пензы и Сызрани, сложилась совокупность гарнизонов, призванных защищать вновь осваиваемые территории. Именно она стала базисом новой военной системы Южного Средневожья. Формирования из «старых» категорий служилых людей (казаков, стрельцов, местного дворянства и т. д.) остались в основном по засечным линиям, построенным в середине XVII в.: Карсунской, Симбирской, западной части Закамской. Однако численность гарнизонов на них существенно уменьшилась, а военная значимость снизилась.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, стрельцы, дворяне, область понизовых городов, Симбирский уезд, засечные черты, книги сбора даточных людей, Генеральный двор в с. Преображенском.

На рубеже XVII–XVIII вв. произошло снижение военной напряженности на южных границах средневожского Правобережья. К этому времени Россия закрепилась в низовьях Дона и на северном побережье Азовского моря; предприняла масштабную попытку соединить каналом Волгу и Дон; построила несколько городов с крупными гарнизонами в их междуречье. По смете ратных людей понизовых городов 1704 г. в Петровском числилось 1020 солдат (правда 886 из них было переведено в Царицын),

* © Дубман Э.Л., Малинкин Е.М., 2016

Дубман Эдуард Лейбович (dubmane@mail.ru), кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Малинкин Евгений Михайлович (evmlk@mail.ru), отдел использования архивных документов ГБУСО «СОГАСПИ», 443096, Российская Федерация, г. Самара, ул. Мичурина, 13.

** *Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Служилые люди Южного Средневожья в XVII – начале XVIII в.», № 15-11-63001 а(р).*

в Дмитровском — 1 тыс. чел. (из них 700 было отправлено в «свейский поход»), в Борисоглебском (на Хопре) — 355 чел. [15. Ф. 9. Отд. 2. Д. 3. Л. 434–437]. Казалось бы, угрозу нападений степняков на вновь освоенные земледельческим населением районы Южного Средневожья удалось ликвидировать. Однако это было далеко не так. Голландский путешественник К. де Бруин (de Bruyn), проплывавший по Волге в 1703 г., писал: «Калмыцкие татары делают набеги из этих мест вплоть до Казани и захватывают все, что могут, или сумеют, людей, скот и проч. и проч.» [1, с. 175]. О том, что такие набеги совершались не только в Заволжье, свидетельствует челобитная жителей Томышевской слободы на р. Сызранке, в которой сообщается, что «в прошлом в 199 (1690/91. — Э.Д., Е.М.) году их, крестьян, разграбили калмыки и в полон побрали пятьдесят человек ясажных крестьян той Томышевской слободы» [14. № 12].

Помимо того, мощные социальные конфликты, разразившиеся в Заволжье (башкирские выступления), низовьях Волги (Астраханское восстание) и на Дону (Булавинское движение), заставили правительство сохранять значительные воинские контингенты в южном пограничье Симбирского, Пензенского, закамских землях Казанского и других близлежащих уездов. Да и после завершения волнений, во втором десятилетии XVIII в., угроза нападений для этих районов не только не ослабла, но, напротив, выросла (например, Кубанский погром 1717 г. и ряд других менее масштабных набегов) [12, с. 61–62; 10, с. 34–37]. В значительной степени это было обусловлено уходом России из северного Приазовья после неудачно завершившегося Прутского похода. Позднее, уже в конце 1710-х гг., для того, чтобы обезопасить недавно освоенные территории, пришлось перекрыть в районе Переволоки пространство между Волгой и Доном Царицынской линией [11].

В связи с указанными обстоятельствами руководство страны, несмотря на перевод значительной части служилых людей из гарнизонов Южного Средневожья «в Азов», а позднее в «свейскую посылку», вынуждено было сохранять в регионе крупные воинские контингенты [15. Ф. 9. Отд. 2. Д. 3. Л. 431–437].

Вопросы о том, насколько велика была доля служилых людей и членов их семей в составе населения рассматриваемого региона; каким образом происходило перераспределение их по его территории, изучены далеко не полностью. Очевидно, что исследование военизированного населения уездов Южного Средневожья вряд ли возможно без анализа состава и численности отдельных гарнизонов. При этом крайне важно выявить наличие в них как старых, так и новых форм организации ратных людей. Необходимо также определить степень насыщенности отдельных локальных территорий региона вооруженными силами, их «военизованности». К сожалению, на все эти вопросы пока нет однозначного ответа.

Использовать для изучения указанных процессов данные массовых описаний населения, проводившихся после 1705 г., не совсем корректно [9, с. 28–30, 37, 310, 317, 355, 358; 13, с. 200–206]. Основные категории служилых людей к этому времени как в центре, так и в провинции претерпели настолько значительные изменения, что сопоставлять их с контингентами городских гарнизонов второй половины XVII — начала XVIII в. было бы ошибочным. Пожалуй, наиболее удобными и информативными в этом отношении являются материалы сбора даточных людей, проводившиеся Генеральным двором в с. Преображенском; коллекция книг, отложившаяся в фонде Поместного приказа. В них, в частности, содержатся своеобразные «переписи» ратных людей гарнизонов области понизовых городов конца XVII — начала XVIII в. Такие материалы сохранились по большинству городов и уездов, находившихся под юрисдикцией приказа Казанского Дворца [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 2. Д. 5106, 5107, 5124]

Работа с этими материалами позволила нам рассмотреть предлагаемую проблематику на примере Самары, Сызрани и Кашпира. Изучение этих городов и пригородов, находившихся в пограничье постоянного расселения Южного Средневожья, дало весьма интересные результаты [4; 5]. Именно в междуречье Волги и Суры, примерно по широте расположения Пензы и Сызрани, в конце XVII в. наблюдалось сосредоточение и расселение крупных воинских контингентов.

Но при этом возникает вопрос, а что же происходило в данный период с гарнизонами военных поселений (городов, пригородов, острогов и слобод), основанных в середине XVII в. по засечным линиям, — тем самым, которые стали основой для формирования территории и заселения Симбирского уезда (Симбирской, Карсунской и западной части Закамской).

Обоснование необходимости исследования такого рода локальных территорий, анализ источниковой базы и характеристика имеющейся историографии были рассмотрены в указанных выше работах, и поэтому нет нужды специально останавливаться на этих вопросах [5, с. 152–156]. Отметим лишь важность для определения численности и состава служилых людей введенной нами в научный оборот Сметы ратных сил понизовых городов 1704 г. [8, с. 179–186; 15. Ф. 9. Отд. 2. Д. 3. Л. 431–437]. Кроме того, для их изучения по отдельным гарнизонам особое значение имеют материалы «Книги низового набору 702-го году за скрепою дьяков Никифора Румянцева, Нестерова...», а также ряда других дополняющих ее источников. В описи фонда эта книга записана под названием «Переписная книга служилым людям... Карсуни, Самары, Симбирска...». Никифор Федорович Румянцев в это время был подьячим, а затем дьяком Поместного приказа. По поводу Нестерова, имя которого не указано, сказать что-либо сложно [2, с. 453; 15. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5128. 1702 г.], Практически деятельность комиссии охватила всю территорию Симбирского и других уездов и все размещенные в них категории ратных людей. Содержание указанной «Книги...» позволяет определить состав и численность военизированного населения, располагавшегося в «срединной части» Симбирского уезда, т. е. в поселениях по Карсунской, Симбирской линиям и западной части Закамской черты. Детальный разбор данного документа по Самаре, анализ эволюции основных категорий служилых людей ее гарнизона в XVII — начале XVIII вв., а также возможностей использования подобных материалов для уточнения демографических характеристик средневековых русских городов были проведены Э.Л. Дубманом и Е.М. Малинкиным [4, с. 102–115; 5, с. 152–163; 6, с. 57–75].

Сложности при таких подсчетах возникают прежде всего из-за систематических ротаций военизированного населения как в пространстве самой области понизовых городов, так и за ее пределами. Например, несколькими годами ранее, в 1696 г., крупные контингенты казаков были отправлены «на вечное жительство» в Азов, Петровский и т. д. Общее количество переведенных, по подсчетам переписчиков, только из одного Симбирского уезда (из 25 слобод казаки «Симбирского города отъезжих слобод» Каменной, Ишеевской, Карлинской, Тетюшской; «Карсунской черты» казаков слобод Вельдиватской, Кивацкой, Дозорной, «Кодорацкой», Сосновской, Кошелевской. Каменного Броду и др.) составило 6245 чел. (вместе с недорослями) [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5186. Л. 107–122 об.]. Также служилых людей отсылали для судебного дела в Казань, несколько позднее — в «свейский поход» и т. д. Очевидно, что общие итоговые сведения, приводимые на 1702 г., не дают возможности достаточно точно отразить реальную ситуацию с военизированным населением уезда на рубеже XVII–XVIII вв.

Изучение состава и численности гарнизонов отдельных локальных территорий невозможно без хотя бы краткой характеристики процессов, происходивших на всем

пространстве Симбирского уезда. Отметим, что на протяжении всей второй половины XVII в. его территория постоянно расширялась. Для нас особый интерес представляет прежде всего «большой» Симбирский уезд, каковым он стал после окончательного включения в его состав территорий по Карсунской черте; острогов западной части Закамской черты и резко расширившейся южной Сызрано-Кашпирской части. Следует отметить, что в документах, освещающих строительство и последующее состояние Симбирской и Карсунской засечных черт во второй половине XVII в., их обозначали как две самостоятельные линии. А территорию между Сурой и Барышом, прилегающую к Карсунской черте, нередко рассматривали как относительно самостоятельный от Симбирского Карсунский уезд (впрочем, как и примыкающий к Сызрани район локального сельского расселения) [7, с. 72–77].

Отметим в первую очередь указанную многими исследователями общую тенденцию, характерную для Южного Средневолжья, прежде всего Симбирского уезда. Он, стремительно разраставшийся в южном направлении, в последние десятилетия XVII – начале XVIII в. был буквально переполнен военными гарнизонами, состоящими как из традиционных для XVII столетия категорий служилых людей, так и из солдат полков нового строя.

В свое время Я.Е. Водарский, основываясь на данных сводных источников, писал, что в первой половине 1660-х гг. Симбирский (4944 служ. людей), Казанский (4435 служ. людей) и Саранский (3479 служ. людей) уезды резко выделялись по этому показателю не только среди других пограничных уездов Юго-Востока, но и всей Европейской России [3, с. 106–108]. К началу XVIII в., судя по данным сметы ратных сил 1704 г., Саранский уезд, ставший тыловым под прикрытием вновь созданного Пензенского, утратил свое значение передового форпоста. В нем резко уменьшилась численность гарнизонов (1021 служ. чел.). Казанский и Симбирский уезды продолжили играть ключевую роль в защите юго-восточных рубежей. Количество ратных людей в них значительно выросло (9056 и 6236 соответственно) по сравнению с 1660-ми гг. При этом Казанский уезд с самого начала присоединения Среднего Поволжья к России играл важнейшую структурообразующую роль для всего региона и являлся его военно-административным центром. Значение Симбирска и прилегающих к нему территорий среди других уездов по засечным линиям начинает усиливаться к концу 1660-х – началу 1670-х гг. После поражения Разинщины, несомненно, он занимал ведущее место среди «новых уездов» области пониженных городов.

Еще раз подчеркнем трудности в подсчете служилых людей региона в условиях постоянных мобилизационных мероприятий, в которых они были неизменными участниками. Видимо, поэтому итоговые данные по смете ратных людей 1704 г. и переписи 1702 г. существенно различаются. На наш взгляд, общие итоговые сведения, приводимые на 1702 г., не совсем точно отражают реальную ситуацию с военизированным населением уезда в последние годы XVII – начале XVIII в. Поэтому необходимо постоянное обращение к дополнительным источникам, вносящим в них существенные коррективы. Так, во время переписи значительная часть «традиционных» категорий служилых людей из гарнизонов Симбирского уезда была отправлена в Казань «к шамаковому делу», т. е. к строительству судов. Переписчики ту часть военного населения, которая осталась в своих поселениях, указывали в «домех», а об остальных, отправленных временно в Казань, писали – «к шамаковому делу» [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5128. Л. 2–195]. Так, по спискам, составленным в симбирской приказной палате, казаков, стрельцов, сызранских и кашпирских солдат насчитывалось в «домех», т. е. в Симбирске и Карсуни, их пригородах, слободах и т. д., 2163 чел., в казанской «посылке» – 1134 чел. [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5128. Л. 19–5 об.].

Помимо того, на территории уезда размещались солдаты. По списку «старых солдат» насчитали 1378 чел., а «новоприборных» — 622. Но в прошлом, 1701 г. из этого весьма значительного контингента 1700 чел. «русских... кроме татар и чувашей» были отправлены с полковником Ф. Каром в «свейский поход». Несмотря на столь большую «посылку», резерв для дополнительных наборов в солдатскую службу в Симбирском уезде был весьма велик. По данным переписчиков 1702 г., в солдатских семьях насчитывалось недорослей, «детей и братьев и всяких свойственников, которые в службу поспели» 2498 чел. Характерно, что солдаты «выборного полка» были размещены прежде всего в сельской местности и только сравнительно небольшое количество — в самом Симбирске [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5128. Л. 198–441]. Таким образом, к началу XVIII в. численность различных категорий служилых людей в уезде и резервы для их пополнения были весьма значительны.

Сводные данные о гарнизонах засечных черт (Симбирской, Карсунской и западной части Закамской) свидетельствуют, что они состояли из старых традиционных категорий служилого населения: дворян и детей боярских (только по Симбирской черте), казаков и стрельцов, пушкарей и воротников; а также небольшого количества служилых мурз и мордвы (очевидно, последние были записаны в казаки и стрельцы, но данных об этом в источниках мало) (см. табл. 1–3). Численность гарнизонов по Симбирской и Карсунской линиям к началу XVIII в. сократилась едва ли не вдвое по сравнению с данными 1650-х — 1660-х гг. Их основу составляли стрельцы (вследствие массового перевода казаков под Азов и другие города в конце 1690-х гг.). Совершенно очевидно, что эти гарнизоны, размещенные по линии засечных черт, уже не являлись основной военной силой в изучаемом регионе. Они значительно реже, чем ранее, выполняли непосредственно военные задачи. За единичными исключениями количество служилых людей по отдельным слободам не превышало полусотни человек. В среднем на 1 км протяженности Карсунской черты приходилось около 10 служилых людей, Симбирской — несколько менее 9; то есть в 1,52 раза меньше, чем в 1660-е гг.

Перечень военизированных поселений по Симбирской и Карсунской чертам, представленный на 1702 г., интересно сопоставить с данными о селениях, которые собрали воеводы Симбирска и других пригородов и острогов во время переписи оброчных угодий Симбирского уезда 1704 г. [15. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX].

Так, по Симбирской черте процент совпадений оказался достаточно высоким. Практически полное совпадение обнаруживается по слободам, приписанным к пригородам Уренску, Тагаеву и Юшанску (только в одном случае неопределенность), частичное по Симбирску. Можно считать, что в перепись военизированного населения 1702 г. попали почти все поселения, в которых оно размещалось на то время.

По Карсунской черте показатель таких совпадений следует назвать низким. Это можно объяснить тем, что отдельные слободы фактически слились с пригородами и острогами, а большинство сельских военизированных поселений были деревнями, населенными автохтонным населением Среднего Поволжья.

Таким образом, в перепись 1702 г., на наш взгляд, попало большинство поселений с военизированным населением, расположенных по Симбирской, Карсунской и западной части Закамской линий. Данные переписи в целом можно считать вполне отражающим реалии того времени источником. Они достаточно точно представляют «заполненность» служилыми людьми «серединой» части Симбирского уезда, той самой, которая для конца 1640-х — 1660-х гг. являлась территорией пограничья.

Вместе с тем очевидно, что в этом пространстве могли находиться неучтенные переписчиками селения солдат и других категорий военного населения края.

Таблица 1

Служилые люди по Симбирску и Симбирской черте по переписной книге 1702 г.
(«в домех» / в Казани «у шамакового дела») [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5128. Л. 1791]

№	Гарнизоны по поселениям	Дворяне и дети боярские	Стрельцы	Казак	Пушкар	Воротники	Всего
А	Симбирск:	147*	100	–	40	5**	292*
	слободы Симбирска						
1	Подгородная слобода	–	–	44	–	–	44
2	Мостовая слобода	–	–	31	–	–	31
3	Сельдинская слобода	–	–	19	–	–	19
4	Карлинская слобода	–	–	30	–	–	30
Б.	Пригороды						
1	Юшанск	–	–	36	–	–	36
	слободы Юшанска						
	Царевосанчюрская и Уржумская	–	22/28	–	–	–	22/28
	Погрбовская	–	25/19	–	–	–	25/19
2	Тагаев	–	–	73/10	–	–	73/10
	слободы Тагаева						
	Цивильская	–	15/33***	–	–	–	15/33
	Ядринская	–	14/21	–	–	–	14/21
3	Уренск	–	–	25/13	–	–	25/13
	Слободы Уренска	–	–	–	–	–	–
	Царевококшайская и Яранская	–	25/19	–	–	–	25/19
	Кузмодемьянская	–	21/26	–	–	–	21/26
	Устюжская и Холмогорская	–	34/34	–	–	–	34/34
	Итого	147	256/180	258/23	40	5	706/203*

* из них выборных – 44, дворовых – 5, городских – 98. Кроме того, указаны еще 50 человек, которые «на службах великого государя в полках служили».

** «симбирские пушкар, которые в толмачах и приставах».

*** стрельцы и казаки.

Интересно сопоставить данные 1702 г. по Симбирской и Карсунской чертам с аналогичными сведениями 1694/1695 г. по пригородам Закамской линии (без ее западной части, входившей в Симбирский уезд).

Всего, по подсчетам переписчиков, в пригородах Закамской черты насчитывалось 291 конный и 1105 пеших казаков и стрельцов. Кроме того, в службу «поспело» 164 конных и 697 пеших недорослей [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5124. Л. 55 об.]. Отметим, что сведения по этой черте были составлены до начала массовых переводов служилых людей. Кроме того, Закамская линия в 1690-х гг., да и в начале XVIII в., являлась основным рубежом, защищавшим территории Казанского уезда, располагавшиеся к югу от Камы. Фактически к этой же линии следует прибавить указанные выше гарнизоны Ерыклинска и Белого Яра. Это заставляло держать на ней значительные контингенты воинских сил. Позднее и отсюда начинают снимать служилых людей для различных «посылок». Но и для начала XVIII в. состав основных групп служилых людей в гарнизонах линии практически не изменился по сравнению с предшествующим периодом [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5124, л. 6 об.].

Таблица 2

Служилые люди по Карсуну и Карсунской черте по переписной книге 1702 г. («в домех» / в Казани «у шмакового дела») [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5128. Л. 92–131]

№	Гарнизоны поселений	Дворяне и дети боярские	Стрельцы	Казачьи конные	Пушкари	Станичные мурзы	Всего
1	г. Карсун	–	142/70	104/46	23*		269/116
	Кандарацкая слобода**	–	–	–	–	20	20
	Кулаевка, дер.	–		–	–	4???*??	4???*??
2	г. Малый Карсун	–	100/54	51/22	3	–	154/76
3	Сельдский острог	–	6/2	–	–	–	6/2
4	Ермаковская слобода	–	4/2	–	–	–	4/2
5	Тальский острог	–	19/13	–	–	–	19/13
6	Коноплянская слобода	–	–	20/16	–	–	20/16
7	Чалгаева, дер.?	–	–	11****	–	–	11
8	г. Аргаш со слободами и деревнями??	–	74/37	–	–	–	74/37
9	Чемарн(?)инская слобода	–	11/9	–	8	–	19/9
	Кривая Полатова, дер.	–	–	10/18	–	–	10/18
9	Сурский острог	–	37/14	–	–	–	37/14
	Аксаур, дер.	–	15/15	–	–	–	15/15
	Мамырева, дер.	–	11/4	–	–	–	11/4
	Налитова, дер.	–	–	10***	–	–	10
	Итого:	–	419/220	206/102	34	24	683/322

* «пушкари в домех служб не служат».

** в источниках они нередко именуются деревнями и наоборот.

*** есть сомнения в точности.

**** мордва казаки.

Таблица 3

Служилые люди Ерыклинска и Белого Яра по переписной книге 1702 г. («в домех» / в Казани «у шмакового дела») [15. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5128. Л. 132–159]

№	Гарнизоны по поселениям	Дворяне и дети боярские	Стрельцы	Казачьи	Всего
1	Ерыклинск	–	–	27/272	27/272
2	Белый Яр	–	7/178	–	7/178
	Итого	–	7/178	27/272	34/450

Анализ совокупности имеющихся в нашем распоряжении данных показывает, что военная значимость Симбирского уезда к началу XVIII в. практически не снизилась. За предшествующий период его территория существенно расширилась, прежде всего в южном направлении. Именно там, между Волгой и Сурой на широте Пензы и Сызрани, сложилась новая система военных гарнизонов, призванных защищать вновь осваиваемые

территории. В пограничном Правобережье города-крепости, построенные после 1680 г., стали ядром новой военной системы Южного Средневожья, в которой основную роль играли солдаты. Формирования из служилых людей прежних категорий военизированного населения по прибору и отечеству сохранились в основном в районе старых, построенных в середине XVII в., засечных линий — Карсунской, Симбирской, западной части Закамской. Однако численность гарнизонов на них уменьшилась. Значительная часть военных сил с засечных черт была направлена в «свейский поход» и на «шмаковое дело». В целом в регионе к началу XVIII в. сохранялся довольно высокий уровень мобильности служилых людей.

Библиографический список

1. Бруин К. де. Путешествие через Московию Корнелия де Бруина. М., 1873.
2. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.
3. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977.
4. Дубман Э.Л. Документы Генерального Двора в с. Преображенском как источник по составу и количеству населения русского города рубежа XVII–XVIII вв. // Проблемы российской и социальной истории: сборник научных статей. Самара, 2011.
5. Дубман Э.Л., Малинкин Е.М. Гарнизоны городов Южного Средневожья на рубеже XVII–XVIII вв. на примере Самары, Сызрани и Кашпира // Вестник архивиста. 2012. № 2 (118).
6. Дубман Э.Л. Некоторые демографические особенности развития русского средневекового города (на примере Самары рубежа XVII–XVIII вв.) // Конфликты и компромиссы в европейском обществе в средние века и раннее новое время: сб. ст. в честь доцента Т.С. Никулиной. Самара, 2011.
7. Дубман Э.Л. «Карсунский уезд» во второй половине XVII — начале XVIII века: население и особенности его расселения // Российская деревня в XVIII–XXI веках: социокультурное измерение: сб. статей. Оренбург, 2014.
8. Дубман Э.Л., Малинкин Е.М. «В вышписанных низовых городех конных и пеших ратных людей по списком...». Смета ратных сил понизовых городов 1704 г. // Исторический архив. 2012. № 5.
9. Клочков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Том первый. Переписи дворов и населения (1678–1721). СПб., 1911.
10. Лавринова Т.И. Татарский набег 1717 г. на юго-восток России // Вопросы краеведения. Волгоград, 1991. Вып. 1.
11. Лавринова Т.И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 гг. и первые годы существования: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1990.
12. Максимов Е.К., Мезин С.А. Города Саратовского Поволжья Петровского времени. СПб., 2010.
13. Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Издание второе. СПб., 1905.
14. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Библиотека. Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского дворца. Т. IX.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

References

1. Bruin C. de. *Puteshestvie cherez Moskoviiu Korneliia de Bruina* [Travel through Muscovy of Cornelis de Bruijn]. M., 1873 [in Russian].
2. Veselovsky S.B. *D'iaki i pod'iachie XV–XVII vv.* [Clerks and scribes of the XV–XVII centuries]. M., 1975 [in Russian].
3. Vodarsky Ya.E. *Naselenie Rossii v kontse XVII — nachale XVIII veka* [The population of Russia at the end of the XVII — beginning of the XVIII century]. M., 1977 [in Russian].

4. Dubman E.L. *Dokumenty General'nogo Dvora v s. Preobrazhenskom kak istochnik po sostavu i kolichestvu naseleniia russkogo goroda rubezha XVII–XVIII vv.* [Documents of the General Court of Preobrazhensky village as the source of the composition and the number of Russian city population at the XVII–XVIII centuries]. In: *Problemy rossiiskoi i sotsial'noi istorii: sbornik nauchnykh statei* [Problems of Russian and social history: collection of scientific articles]. Samara, 2011 [in Russian].

5. Dubman E.L., Malinkin E.M. *Garnizony gorodov Iuzhnogo Srednevolzh'ia na rubezhe XVII–XVIII vv. na primere Samary, Syzrani i Kashpira* [Garrisons of the towns of the Southern Middle Volga Region at the turn of XVIII–XIX centuries on the example of Samara, Syzran and Kashpir]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an archivist]. 2012. No. 2(118) [in Russian].

6. Dubman E.L. *Nekotorye demograficheskie osobennosti razvitiia russkogo srednevekovogo goroda (na primere Samary rubezha XVII–XVIII vv.)* [Some demographic peculiarities of development of Russian medieval city (on the example of Samara on the boundary of the XVII–XVIII centuries)]. In: *Konflikty i kompromissy v evropeiskom obshchestve v srednie veka i rannee novoe vremia. Sbornik statei v chest' dotsenta T.S. Nikulinoi* [Conflicts and compromises in the European society in the Middle Ages and early modern times. Collection of articles in honor of associate professor Nikulina T.S.]. Samara, 2011 [in Russian].

7. Dubman E.L. «Karsunskii uezd» vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII veka: naselenie i osobennosti ego rasseleniia [«Karsun county» in the second half of the XVII – beginning of the XVIII century: its population and features of its settlement]. In: *Rossiiskaia derevnia v XVIII–XXI vekakh: sotsiokul'turnoe izmerenie: sb. statei* [Russian village in the XVIII–XXI centuries: socio-cultural dimension: collection of articles]. Orenburg, 2014 [in Russian].

8. Dubman E.L., Malinkin E.M. «V vyshepisannykh nizovykh gorodekh konnykh i peshikh ratnykh liudei po spiskom...». *Smeta ratnykh sil ponizovykh gorodov 1704 g.* [«The grassroots described gorodekh cavalry and infantry fighting men on the list ...». Estimates of martial forces of lowland cities in 1704]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive]. 2012. No. 5 [in Russian].

9. Klotchkov M. *Naselenie Rossii pri Petre Velikom po perepisiam togo vremeni. Tom pervyi. Perepisi dvorov i naseleniia (1678–1721)* [Population of Russia in the time of Peter the Great according to the census of the time. Volume One. Census of households and population (1678–1721)]. SPb., 1911 [in Russian].

10. Lavrinova T.I. *Tatarskii nabeg 1717 g. na iugo-vostok Rossii* [Tatar raid of 1717 on the south-east of Russia]. *Voprosy kraevedeniia* [Issues of local lore]. Volgograd, 1991. Issue 1 [in Russian].

11. Lavrinova T.I. *Tsaritsynskaia liniia: istoriia stroitel'stva v 1718–1720 gg. i pervye gody sushchestvovaniia: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Tsaritsyn line: history of construction in 1718–1720 years and the first years of existence: extended abstract of Candidates of Historical sciences thesis]. Voronezh, 1990 [in Russian].

12. Maksimov E.K., Mezin S.A. *Goroda Saratovskogo Povolzh'ia petrovskogo vremeni* [Cities of Saratov Volga region in the Peter's time]. SPb., 2010 [in Russian].

13. Milyukov P.N. *Gosudarstvennoe khoziaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletii i reforma Petra Velikogo. Izdanie vtoroe* [State Russian economy in the first quarter of the XVIII century and the reform of Peter the Great. Second edition]. SPb., 1905 [in Russian].

14. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'ianovskoi oblasti (GAUO). Biblioteka. Materialy istoricheskie i iuridicheskie raiona byvshego Prikaza Kazanskogo dvortsa. T. IX* [State archive of the Ulyanovsk region (GAUO). Library. Historical and legal materials of the former Order of the Kazan Palace district. Vol. IX] [in Russian].

15. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts] (RGADA).

*E.L. Dubman, E.M. Malinkin****DEFENSE LINE GARRISONS OF THE SOUTHERN MIDDLE VOLGA REGION
AT THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURY****

The article is dedicated to the study of composition and deployment of military people on the territory of the Simbirsk district. The analysis of aggregate sources indicates that the military value of the garrisons of the county preserved up to the beginning of the XVIII century. However, there have been significant changes in their placement. During the second half of the XVII century county territory has expanded significantly, especially in the southern direction. A set of garrisons, designed to protect newly developed territories, has developed along Penza and Syzran. It became the basis of a new military system of the Southern Middle Volga Region. Service class people formations of the «old» categories (Cossacks, streltsy, local nobles, etc.) preserved mainly on Karsunsk, Simbirsk, the western part of Zakamsk defense lines built in the middle of the XVII century. However, the number of garrisons on them has decreased significantly, and the military significance declined.

Key words: service class people, Cossacks, streltsy, nobles, area of lowland cities, Simbirsk district, defense lines, books of acquisition of conscripted people, general courtyard in Preobrazhensky village.

Статья поступила в редакцию 15/III/2016.
The article received 15/III/2016.

* *Dubman Eduard Leibovich* (dubmane@mail.ru), Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Malinkin Evgeniy Mihailovich (evmlk@mail.ru), Department of Usage of Archive Documents, Samara Regional State Archive of Social and Political History, 13, Michurina Street, Samara, 443096, Russian Federation.

** *The article is prepared with the financial support from the Russian Foundation for the Humanities, project «Service class people of the Southern Middle Volga region in the XVIIbeginning of the XVIII century», № 15-11-63001 a(r).*